

Василий Брусянин

**«Облетели цветы,
догорели огни»**

Ни живые – ни мёртвые

Василий Брусянин

«Облетели цветы, догорели огни»

«Public Domain»

1904

Брусянин В. В.

«Облетели цветы, догорели огни» / В. В. Брусянин — «Public Domain», 1904 — (Ни живые – ни мёртвые)

«Около одиннадцати часов вечера по Вознесенскому шли два молодых художника. Кутаясь в пальто с барашковыми воротниками, они торопливо шагали по панели, подгоняемые морозом, но это не мешало им весело болтать, задорно смеяться и злословить. За глаза они подтрунивали над своим профессором, который, несмотря на седину в бороде, отчаянно ухаживает за ученицей Силовой, жгучей брюнеткой с карими глазами.– Стой! – неожиданно выкрикнул один из них, высокий блондин с маленькой бородкой, когда приятели поравнялись с громадным окном цветочного магазина. – Посмотри, какая прелесть! На дворе такой морозище, а там!.. Цветут они и благоухают!.. Это напоминает мне дивную Италию!..»

© Брусянин В. В., 1904

© Public Domain, 1904

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Василий Брусянин

«Облетели цветы, догорели огни»

1

Около одиннадцати часов вечера по Вознесенскому шли два молодых художника. Кутаясь в пальто с барашковыми воротниками, они торопливо шагали по панели, подгоняемые морозом, но это не мешало им весело болтать, задорно смеяться и злословить. За глаза они подтрунивали над своим профессором, который, несмотря на седину в бороде, отчаянно ухаживает за ученицей Силовой, жгучей брюнеткой с карими глазами.

– Стой! – неожиданно выкрикнул один из них, высокий блондин с маленькой бородкой, когда приятели поравнялись с громадным окном цветочного магазина. – Посмотри, какая прелесть! На дворе такой морозище, а там!.. Цветут они и благоухают!.. Это напоминает мне дивную Италию!..

– Ну, плюнь!.. Пойдём... Холодно! – протестовал художник пониже, но всё же остановился у окна и засмотрелся на цветы.

Озарённые фиолетовым светом электрических лампочек, цветы, действительно, останавливали внимание прохожего. Ярко-красные, голубоватые как бирюза, белые как снег, они красовались за стеклом, подёрнутым иглами мороза, и казались равнодушными и к суровой зиме, и к холодному вечеру и к вьюгам, а над ними простирала свои громадные листья пальмы, филодендроны и фикусы, и у самого стекла стояла стройная, зелёная горная сосёнка.

– А вынеси в эту минуту любой бутончик на улицу – и опустит он свою красивую головку и скоро-скоро поблекнет!..

Не успел высокий художник закончить своей фразы, как дверь магазина отворилась, и на панели появилась высокая, стройная брюнетка, в светлой шапочке на тёмных вьющихся волосах и в коротком жакете, отороченном по воротнику и вдоль полы светлым барашком, под цвет шапочки.

– А вот выпал на улицу ландыш серебристый и не боится мороза! – приподнятым тоном воскликнул художник пониже, и его глаза с лукавой улыбкой встретились с глазами брюнетки.

Та вспыхнула, догадавшись, по адресу кого была брошена эта фраза, сверкнула зрачками тёмных ясных глаз, улыбнулась и пошла дальше. Полминуты спустя она снова обернулась и встретилась с двумя парами весёлых, внимательных и восхищённых глаз молодых людей. Девушка смутилась и пошла быстрее. Художники медленно и лениво пошли своею дорогой. Теперь они уже не злословили над своим профессором, и каждый из них, в тайне один от другого, думал о цветах, о серебристых ландышах, о брюнетке в светлой шапочке...

Быстро шагая по свежему похрустывавшему снегу панели, Надя думала о молодых людях, а в её ушах всё ещё звучала фраза о ландыше, выпавшем на улицу, и щекотала её чуткое самолюбие. Поравнявшись с углом улицы, она ещё раз невольно оглянулась и пристально посмотрела вдоль панели. В морозном воздухе, залитом электрическим светом, мелькали блестящие пушистые снежинки, по панелям двигались тёмные закутанные фигуры пешеходов, по улице взад и вперёд сновали сани, слышался говор, глухой и невнятный, слышался скрип под полозьями саней.

Надя повернула в узкий и глухой переулочек, и сердце её словно упало. Здесь было сумрачно, газовые рожки уныло мигали, по обе стороны переулочка тянулись стены тёмных домов... Безлюдно, сумрачно и неприветливо! Неприветливо как в их маленькой квартирке, с низким потолком, потёртыми половицами и с тёмными, замазанными обоями стен. В зальце одинокая лампа под зелёным абажуром, у стола старуха-мать с постоянно перевязанною

¹ С. Я. Надсон «Умерла моя муза!.. Недолго она...». *Прим. ред.*

щекою, а в соседней комнате брат Коля вслух подзубривает уроки... Скучно, темно и однообразно!

Каждый день в продолжение нескольких лет одна и та же однообразная жизнь, и лучше бы никогда не видеть этой ветхой и угрюмой обстановки комнат, не сидеть по вечерам у лампы с зелёным абажуром, не слышать стонов больной матери, или тягучего, противного и какого-то неестественного голоса брата, который целые вечера проводит над скучными учебниками.

Сегодня Наде не хотелось бы думать об этом! Так хорошо прошёл ясный морозный день! В магазине с утра до вечера перебивало много покупателей, слышался говор, весёлый и беспечный, и так хорошо пахло цветами! У них в магазине всегда какой-то особенный тонкий аромат духов, и даже электрические лампочки светят особенно: на потолке, на полу и на стенах лежат узорные тени растений, а разноцветные бутоны ещё ярче выступают на тёмном фоне зелени.

В магазин заходит только чистая публика. Приезжают дамы-франтихи, от которых также пахнет духами, заходят надушенные, красивые и весёлые кавалеры, выбирают букеты, а иногда увозят целые корзины пахучих весёлых цветов!.. Немка-хозяйка не держит мрачных надгробных венков, и всё, что растёт и зеленеет в обширном магазине, всё, что цветёт и благоухает в зелени красивых узорных листьев, – всё это подготовлено для жизни, для радости, наслаждения и счастья!..

И работа у Нади лёгкая и чистая! Из дома выходит она не раньше десяти часов утра, и потом всё время проводит среди красивых благоуханных цветов, или разбирая своими тоненькими пальцами нежные стволы растений с разноцветными головками, или ходя по магазину около цветов и беседуя с покупателями. В свободное от занятий время Надя усаживается у широкого окна в зелени растений и сквозь переплёт веток и узорных листьев смотрит на бойкий проспект. Когда надоест смотреть в окно, она берёт книгу и сидит в тишине над раскрытыми страницами, следя за интересной фабулой романа или повести. В книгах, которые ей приходилось читать, описывается, большею частью, жизнь таких людей, с какими Надя никогда не встречалась в действительности. И ей всегда казалось, что нарядные барыни и кавалеры, которые заходят в магазин, – также герои и героини таких же романов и повестей. Когда в книге встречались страницы описания иной жизни, и когда в романах описывались люди, которые казались Наде похожими на её мать, тётю Сашу, дядю Ваню и их многочисленных родственников и знакомых, – она пропускала такие страницы, потому что действительная жизнь, её жизнь, полна такими же скучными и однообразными днями и этими скучными нудными людьми, которые всё время говорят о нужде и заботах, ноют под бременем жизни, рождаются в нищете и умирают от нищеты и горя.

И зачем это сегодня лезут в голову эти невесёлые противные думы, и чем ближе к дому – тем неотвязчивее они. Сегодня всё утро мать вздыхала и говорила о том, что вот уже вторую неделю комната, которую они сдают жильцам, пустует. Старушка соображала, каков будет убыток, благодаря этому неприятному обстоятельству, и рассчитывала, сколько придётся заплатить за квартиру, урезав жалкую пенсию. Потом она говорила ещё что-то о дровах, о Колиной курточке, за ветхость которой мальчуган уже получил выговор от инспектора гимназии. И пока Надя одевала в прихожей жакет и шапочку, чтобы уйти от ненавистной обстановки в мир цветов, из соседней комнаты всё ещё слышался тягучий голос матери. В продолжение дня она забыла об этой скучной и серой жизни, а теперь, при тусклом освещении узкого переулочка, опять всё припомнилось.

Надя миновала первый двор дома, где они жили, прошла и мрачную арку с тёмной дверью в дворницкую и вышла в узкий и вонючий второй двор, куда выходила чёрная лестница, с узкими площадками и с тусклыми и робко вздрагивавшими керосиновыми лампами в неуклюжих фонарях. На звонок Наде отворила сама мать. В прихожей было темно, в соседней комнате, под неизменным зелёным абажуром, горела лампа, заливая тусклым светом серую скатерть с

красной бахромой, большой овальный медный поднос с чашками и чайником и тарелку, на которой лежал серый дешёвый ситник, нарезанный толстыми неуклюжими ломтями. Со всех сторон Надю обступали тёмные стены, с дешёвыми картинками, сверху давил низкий потолок, а со двора сквозь стёкла двойных рам смотрела чёрная неприветливая ночь, и светленькие гардины, перевязанные розовыми ленточками, казалось, ещё более оттеняли тёмные фоны стен и окон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.